

Вермедоса. В доме была у священника кладовка, в которой хранились отличнейшие окорока, развешенные по стенам. И много раз в этой кладовке я набивал себе пузо, и, поскольку это вошло у меня в привычку, я проделал лазейку в эту кладовку, куда и уговорил пролезть Изегрима. Он нашел там множество бочек с говядиной и копченые свиные бока, и стал он пожирать это мясо без меры. И так он наелся, что не смог потом пролезть в мой лаз, потому что живот у него раздулся от съеденного. А я бросился в деревню, поднял там ужасный шум и переполох, и послушай, что я сделал потом. Побежал я в дом к священнику, который в это время сидел за столом и обедал. А кушал он цыпленка, такого большого и жирного, какого только можно себе представить. Я схватил со стола этого цыпленка и бросился бежать что было мочи. Священник с криками бросился за мной в погоню. „Схватите его и убейте! Никто еще на свете не видывал эдакого разбоя, чтобы Лиса в моем собственном доме с моего стола своровала цыпленка на глазах у всех. Не было еще на свете таких отъявленных воров!" И он схватил столовый нож и бросил мне вдогонку. Но промахнулся, и я убежал. Тогда он отшвырнул от себя стол и бросился за мной в погоню с криками: „Поймайте его и убейте!" И многие другие тоже бросились вместе с ним, и все они хотели меня погубить.

Долго я бежал и наконец добрался до Изегрима. И там я бросил цыпленка, потому что мне тяжело было его нести, хотя и с большой неохотой я с ним расстался. После чего юркнул в свою лазейку, будто всегда там и сидел. Священник подобрал цыпленка и тут увидел Волка. „Копайте здесь, друзья, – воскликнул он, – там прячется Волк-воришка, смотрите, чтобы он не убежал". И все они бросились на него с кольями и палками и так громко кричали, что соседи повыскакивали из своих домов, и так его избили палками и камнями, что он чуть не испустил дух. Протащили его по камням и по ухабам, выволокли за деревню и бросили в канаву, где он и пролежал всю ночь. Я так и не узнал, как же он потом оттуда выбрался. А он ведь обещал быть моим другом и помогать во всем на протяжении целого года, если только я устрою так, что он сможет наесться до отвала.

Еще отвел я его в одно место, где, как я ему сказал, на насесте сидели семь жирных куриц и петух. А рядом была крышка люка. Забрались мы на этот насест, и я ему говорю: „Верь мне, если пройдешь в эту дверь, то за ней найдешь еще великое множество жирных куриц". Изегрим со смехом стал пробираться к двери и слегка ее приоткрыл, пошарил там и тут, а потом и говорит мне: „Рейнард, ты плут и обманщик, потому что здесь ничего нет". Тогда я ответил ему: „Дядя, ты найдешь то, что ищешь, если проползешь чуть подальше, ведь победа приходит к тому, кто не боится трудов и риска. Кур, которые имеют обыкновение там сидеть, я прогнал". Итак, я заставил его ползти дальше, и так далеко он забрался, что свалился на пол, потому что насест был узкий. И с таким грохотом, что все, кто там спал, вскочили на ноги, а те, кто спали у огня, закричали, что дверь наверху открыта и что-то из нее упало, но что это такое – они не могут понять. Они вскочили и засветили свечу, и когда увидели волка, то так его избили и исколотили, что он был едва живой.

И много раз вводил я его в такие опасности, так много, что сейчас все и не упомяну. Пожалуй, если постараться, то я смогу и еще кое-что припомнить, я потом тебе об этом расскажу. Еще возлежал я с его женой, госпожой Эрсвиной, и очень я об этом сожалею. Это было для нее огромное бесчестье, и я очень в этом раскаиваюсь».

«Я не понимаю тебя, дядя, – сказал Гримберт, – я тоже нарушал закон с его женой, а ты делаешь свои признания и как будто чего-то недоговариваешь».

«Не понимаю я, о чем ты ведешь речь и кто обучил тебя таким речам».

«Ах, дорогой дядюшка, великий это стыд, если приходится говорить открыто о том, как это случилось, – я возлежал со своей тетушкой».

«Я – твой дядя, и мне следует рассердиться на тебя, если ты плохо говоришь о женщинах. Вот, племянник, я рассказал тебе все о своих грехах, что только мог вспомнить, наложи на меня епитимью и позволь мне искупить свои грехи. Ибо я глубоко раскаиваюсь в содеянном».

Гримберт был хитер и умен. Он сорвал с дерева веточку и сказал:

«Теперь, дядя, ты должен трижды ударить себя этим прутом, потом положить его на землю и перепрыгнуть через него три раза, не сгибая при этом лап и ни разу не споткнувшись. После чего ты поднимешь его с земли и крепко поцелуешь в знак смирения и искупления грехов. И тогда ты очистишься от всех беззаконий, совершенных до нынешнего дня, ибо я прощаю тебя».

Лис обрадовался.

Тогда сказал Гримберт своему дяде: